

ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ — совокупность культурных объектов, обладающая внутренней структурой (комплексом устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях), явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмысления и употребления ее элементов, и служащая для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов (производства культурных текстов).

Я к. формируется и существует только во взаимодействии людей, внутри сооб-ва, принявшего правила этого языка. Совокупность Я.к. — осн. коммуникационное средство в культуре (субкультуре), поэтому освоение Я.к. — ключевой элемент социализации, *аккультурации*. Каждому Я.к. соответствует, как правило, своя область действительности или человек. деятельности, представленная в опр. смыслах, а также собственно знаковая система — выразит, средство языка.

Изучением Я.к. занимаются *семиотика* (анализ знаковой представленности Я к.), лингвистика (анализ ес-теств. языков), культурная семантика (изучение Я.к. как средства выражения смысла).

Набор знаков (алфавит, лексика) и правил их сочетания (грамматика, синтаксис) в Я.к. всегда конечен, а потому ограничен по отношению к многообразию явлений действительности и смыслов. Поэтому закрепление смысла в языке, его *означение* предполагает не только формализацию, но и метафоризацию, опр искажение; означающее тяготеет над означаемым. Данная ситуация усугубляется при «переводе» информации с одного языка на другой, причем искажение тем значительнее, чем сильнее различаются принципы означения (референцирования) в этих языках. Разнообразие выразит, средств Я.к., а следовательно, и принципов их означения делают вопросы их «переводимости» (возможности выражения смысла средствами разл языков) и «приоритетности» (выбора того или иного языка в конкр. коммуникативной ситуации) весьма сложными (эти проблемы рассматривались Куайном, а также в лингвистич. философии).

Другим важным моментом функционирования Я.к. является *понимание*. При коммуникации (обмене знаками) неизбежно присутствует опр. неадекватность понимания (обусловленная различием индивидуального опыта, степенью знакомства с языком и т.п.), момент интерпретации (переосмысления), искажающий исходный смысл. Понимающий всегда обладает опр. представлением о понимаемом, ожидает опр. смысла и интерпретирует знаки в соответствии с этим представлением (эта проблематика рассматривается в *этнометодологии*, лингвистич. философии и *герменевтике*).

Искажение смысла при означении и понимании (трагичное для логич. семантики) для Я.к. является важным фактором, обеспечивающим их изменчивость (наряду с введением новых актуальных знаков и значений, истор. и геогр. динамикой языков, их взаимопроникновением).

Свойственная Я.к. многозначность (полисемантизм) приводит к появлению «языков в языках», т.е. самостоят, языковых образований, формирующихся в рамках выразит, средств другого языка или интегрирующих в себе средства нескольких разл. языков (напр., дипломатический лексикон или язык моды). Существование таких языков значительно влияет на исходные языки и также является важным динамич. фактором (эта проблема освещена в работах структуралистов, в частности *Р.Барта* и *Деррида*).

Я.к. можно дифференцировать по отнесенности к опр. области действительности или человек. деятельности (язык искусства, сленг математики); по принадлежности опр (этнич., проф., историко-типологич. и т.д.) *субкультуре*, языковому сооб-ву (англ. язык, язык хиппи); по знаковой представленности, ее типам (вербальный, жестовый, графич., иконич., образный, формализованный языки) и видам — опр. культурным порядкам (язык причесок, язык костюма); по специфике смысловой выразительности (информационно содержательные, эмоционально выразительные, экспрессивно значимые) и ориентации на опр. способ восприятия (рац. познание, интуитивное понимание, ассоциативное сопряжение, эстетич. вчувствование, традиц. отнесение); по специфике внутр. грамматич., синтаксич. и семантич. правил (семантически открытые и замкнутые языки, языки с полным и неполным синтаксисом и т.д.); по ориентации на опр. коммуникативные и трансляционные ситуации (язык полит. речей, язык офиц. документов);

с т. зр. приоритетности и популярности на том или ином уровне культуры, в той или иной ее специализированной форме, в той или иной субкультуре.

В лингвистике также принято достаточное условное разделение языков на естественные (не имеющие явных правил осмысления и употребления, точно установленного происхождения — исторически сложившиеся вербальные языки) и искусственные (более четко формализованные, с явной историей).

В философии культуры Я.к. рассматривались, как правило, в общем контексте символич. деятельности человека как «символич. комплекс», «символич. формы». В культурной и социальной антропологии (и в историко-типологич., и в конкретно-истор. исследованиях) получили рассмотрение локальные вопросы генезиса и функционирования Я.к. (анализ отд. языков традиц. об-в в этнологии, анализ совр. ситуаций языковой коммуникации). Значит, шагом в изучении Я.к. стали кросскультурные исследования структурного функционализма (выявление структурных особенностей Я.к., анализ функциональных аспектов языковой деятельности). В лингвистике и семиотике были разработаны высокоэвристичные методы анализа естеств. языков (структурно-семант. и структурно-семиот. анализ), успешно применялись элементы теории информации, математич. моделирования, были выявлены универсальные грамматич. правила, правила семант. согласования. Применение лингвистич. и семиотич. методов к Я.к., осуществленное *структурализмом*, хотя и не дало ожидаемых универсальных рез-в, однако позволило существенно расширить представления о языковой деятельности в локальных аспектах культуры, выявить отд. структурные элементы культурных текстов и механизмы их образования и преобразования.

Ныне изучение Я.к. осуществляется, в основном, на уровне прикладных исследований и теорий среднего уровня, с акцентом на совр. проблемах функционирования Я.к.

См. *Смыслы культурные, Знаковая система*.

Лит.: Пирс Дж. Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации. М., 1967; Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972; Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика., М., 1994; Он же. S/Z. Анализ рассказа «Сарразин» О. де Бальзака М., 1994; Языки культуры и проблемы непереводимости. М., 1987; Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995; Михайлов А.Я. Язык культуры. М., 1997; Feleppa R. Convention, Translation and Understanding. Albany, 1988; Clarke S. The Foundations of Structuralism: a Critique of Levi-Strauss and the Structuralist Movement. Brighton, 1981; Rickman H.P. Understanding and Human Studies. L., 1967; Piaget J. Le structuralisme. P., 1968; Postmodernism. An Intern Anthology. Seoul, 1991; Ullmann S. Semantics. An Introd. to the Science of Meaning. Oxf., 1972.

А.Г. Шейкин

ЯЗЫК СИМВОЛОВ — древний метаязык культур, выражение внутр. красоты и смысла космич. целого. Происхождение многих символов коренится в глубине тысячелетий, в архаичных культурах и древних цивилизациях, органичным элементом к-рых они являлись. Символы можно рассматривать как язык, выражающий размышления о мире и бытии человека в нем, дошедший до нас от времени, когда концептуальные понятия еще не были выработаны. Однако появление последних отнюдь не отменяет символ, не лишает его существование смысла, поскольку символы не идентичны концепциям, их роль и функция различны. Все происходящее на трех уровнях бытия — в Космосе, на Земле, в человеке — символы раскрывают как проявление единой жизни. Взаимозависимость символа и его проявлений в разл. контекстах не следует понимать как монотонное повторение одного и того же значения: напротив, в каждом контексте символ раскрывает нечто новое. Благодаря установлению с помощью символики взаимозависимости между структурами человек. и космич. бытия человек не чувствовал себя одиноким во Вселенной, он был открыт миру, к-рый ощущал близким себе.

Для древнего сознания внешняя красота вещи была неотделима от внутр., определявшейся положением вещи в стройной системе мироздания. Подобно слову, символ несет в себе туго свернутое, как росток, мифол. и филос. содержание. Бесконечное множество вещей и явлений приводится к неким общим знаменателям — символам, к-рые, соединяясь друг с другом, образуют в разл. культурах более или менее стройную картину мироздания: ее суть — в неразрывном взаимопереплетении божеств., природного и человек. миров. В этих трех планах и могут трактоваться важнейшие символы, и прежде всего те, к-рые относятся к разумно устроенному пространству, противостоящему хаосу, библ. «тьме внешней» — город, храм, жилище. При посредстве символов устанавливаются аналогии между воссозданием космоса из хаоса и устройством отгороженного от мира дикой природы освоенного человеком культурного пространства: напр., «срединной крепости» Мидгард сканд. мифологии, противостоящей как миру внешнему, неизбежному — Утгарду, так и миру небожителей — Асгарду. Такой же космогонич. аналогией становится и восхождение самого человека от природного состояния к высшим ступеням сознания, освобождение в человеке его истинной сущности из хаоса инстинктов и страстей. Это символизировалось в выражениях «дважды рожденный» на Востоке и «альма матер» — «благая мать», «мать-кормилица» на Западе, в названии университета.

Любая вещь может быть наделена символич. значениями, к-рые варьируются от культуры к культуре и могут меняться с течением времени. Однако свойство основополагающих символов, отмеченное как зап. (*Элиаде, Генон, А. Кумарасвами* и др.), так и рос. (*А. Уваров, Лосев, Флоренский*) мыслителями, выразить кратко и без перевода то, что потребовало бы много слов и разъяснений, издавна превратило Я.с. в

особый универсальный язык религ. картины мира, передаваемой средствами изобразит, искусств и мифопоэтич. языка. По-видимому, с этим связано и то, что картины мира разных народов, вопреки внешнему разнообразию, удивительно схожи. Усложненные, «ученые» картины мира древних и ср.-век. художников и философов не противоречат народным представлениям, а скорее раскрывают их. Так или иначе, но издревле существовал универсальный язык для передачи космологич. содержания, относящегося к миру и к человеку в мире — язык букв (священный алфавит как система космообразующих принципов), чисел и геометрич. фигур, приводивших к общим знаменателям бесконечное разнообразие мифол. персонажей и в человек., и в зверином облике.

О сущности и смысле символич. восприятия и описания действительности существует огромная лит-ра, от древности до наших дней. Она восходит к именам не только мифич. Тота — Гермеса Трисмегиста, но также Платона и Пифагора. На рубеже античности и ср.-вековья с особым вниманием отнеслись к разработке концептуальных основ символики раннехрист. мыслители, переосмысливая древние символы в соответствии с христ. верованием.

Внимание к внутр. миру человека и осознание ограниченности рационалистич., формально-логич. мышления в постижении «высших истин» привело еще Филона Александрийского, а затем христ. авторов 2-3 вв. к филос. разработке проблем символа и образа. Впервые образно-символич. истолкование универсума в христ. понимании дал Климент Александрийский (3 в.). Первопричина, Божество, есть исходный пункт иерархии образов, первообраз-архетип всех последующих отображений. Первым образом Архетипа выступает Логос, подобный ему во всем; его образом является разум человека, а затем — образы изобразит, искусства. Подобные рассуждения нашли свое наивысшее завершение в учении раннехрист. мыслителя 5 в., писавшего под именем Дионисия Ареопагита. Его труды оказали огромное влияние на всю европ. ср.-век. эстетику. Согласно его воззрениям, символ выступает как своего рода посредник, связывающий мир, недоступный чувствам и невидимый, и мир человек., земной. По его словам, существуют два способа передачи информации об истине: «один — невысказываемый и тайный, другой — явный и легко познаваемый; первый — символич. и мистериальный, второй — филос. и общедоступный. Высшие истины передаются только первым способом, потому-то древние мудрецы и пользовались постоянно таинственными и смелыми иносказаниями». Все понятия о высших истинах переданы нам в символах, «ибо уму нашему невозможно подняться к невестеств, подражанию и созерцанию небесных иерархий иначе, как через посредство свойственного ему веществ, руководства, полагая видимые красоты изображением невидимой красоты».

Согласно Псевдо-Дионисию, символы имеют противоречивую цель: одновременно выявить и скрыть истину. Скрытая внутри символа «красота» ведет к восприятию сверхсущностного духовного света. Красота эта, содержащаяся во всевозможных символах — словесных, изобразит., муз., культовых и т.п. — открывается только тому, кто «умеет видеть». Поэтому необходимо учить людей «видению» символа.

Изучение древнего и ср.-век. искусства было бы весьма поверхностным без понимания его символич. природы. Проявление чувства *сакрального* в искусстве и роль языка символов в его передаче вылилась в совр. религиоведении в особое направление. Выдающимся авторитетом в этой области является *Элиаде*, в поисках универсалий человек. мышления и основополагающих категорий культуры обратившийся к опыту «примитивных» народов и к архаич. мифол. системам. Именно в этой среде религии предстает не как идея и установление, но преимущественно как строй мысли и образ жизни. Огромную роль в сознании архаического человека играли символы, позволявшие мгновенно, интуитивно устанавливать связь между сакральным и профанным, между небесным «прототипом» и его земным аналогом. Выработанные Элиаде в итоге глубоких научных изысканий категории «Центр мира», «Творение и время», «Мировая ось», «Единство противоположностей», «Сакральное и профанное» и др. исполнены глубокого смысла и в приложении к такой области проявления «свободы» и «бессознательного», как творчество.

Наиболее последоват. изложение «науки символов» содержится в трудах франц. мыслителя Р. Генона и его последователей-традиционалистов (Ж.-Л. Бенуа, Д. Колонь, *Эвола*, Р. Абеллио и др.). Фундаментальные символы «связанной науки», являющейся «внутр.», эзотерич. стороной религиозно-мистич. учений прошлого и настоящего, представляют собой, в его изложении, структурное, систематич. описание корпуса эзотерич. символов, встречающихся в религии и мифологии народов мира, к-рые, взаимно дополняя и раскрывая друг друга, дают картину «Изначальной Традиции».

Лит.: Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982; Коб-зев А.И. Учение о символах и числах в кит. классич. философии. М., 1994; Флоренский П.А. Иконостас. М., 1995; Evola Ch. И mito del sangue. Mil., 1942; Idem. Fenomenologia dell'individuo assoluto. Rome, 1984.

Т.М. Фадеева

ЯКОБСОН Роман Осипович (1896-1982) - рус.-амер лингвист, литературовед, специалист по поэтике и семиотике.

Окончил Лазаревский ин-т вост. языков и Моск. ун-т (1918). С 1921 работал в Праге в полпредстве РСФСР, в СССР не вернулся. Проф. Гарвард, ун-та и Массачусет. технологич. ин-та, член многих академий. Инициатор создания Моск., Праж., Ный-Йорк. лингвистич. кружков, один из ведущих представителей структурализма; был близок к рус. *формальной школе*. Языковедч. работы Я. в осн. посвящены теор. лингвистике (фонологии,

соотношению диахронии и синхронии, общей теории падежей, информ. т.зр. на язык и др.) и изучению слав, языков.

В поэтике Я. прежде всего выступает как стиховед, специалист по метрике и рифме, синтаксич. и грамматич. строению стихов на разных языках (слав, и неславянских), много внимания уделяет анализу отд. произведений (наиболее известная работа «Кошки» Бодлера», 1962, совместно с *Леви-Строссом*).

Собственно лит.-ведческие работы Я. посвящены древнеслав. поэзии, «Слову о полку Игореве», Пушкину, Блоку, Хлебникову, Пастернаку, Маяковскому, польской и чеш. поэзии, Бодлеру, Гёльдерлину, Блейку и др. В качестве текстолога Я. публиковал и комментировал многие слав, тексты. Я. публиковал также работы по слав, фольклору, раннеслав. эпосу, слав, мифологии, ритуалу, живописи 20 в., семиотике кино, речевой афазии.

Основательность научной лингвистич. подготовки и раннее знакомство с практикой футуризма (Я. сам пробовал писать заумные стихи), с соответствующими ему теор. новациями (ранний формализм) определили судьбу его научной деятельности. Языковая специфика по-этич. произведения («язык в его эстетич. функции», материальная (речевая) объективация магич. потенциала поэзии, соотношение фольклорного и индивидуального в словесном творчестве, исследования влияния данного языка на характер поэтич. приема — всегда в центре его внимания. Характерно название одной из наиболее известных поздних работ «Грамматика поэзии и поэзия грамматики» (1961).

В качестве обобщающих семиотич. и культурологич. идей Я. обращается к общей теории симметрии, давая свою основанную на конкр. исследованиях интерпретацию ее закономерностей по отношению к разл. видам культурной деятельности и их продуктам, систематизация к-рых может осуществляться на основе связи элементов либо по сходству (вертикально, парадигматически, метафорически), либо по смежности (горизонтально, синтагматически, метанимически).

Обладая большим личным и научным авторитетом, Я. неизменно выступал против всех форм изоляционизма, постоянно ориентируясь на многосторонние связи лингвистики с этнологией, фольклором, мифологией, семиотикой, культурной антропологией и др., и гуманитарного знания в целом с биологией, физикой, математикой, системологией. Разносторонняя активность, энергия первооткрывателя, нерасторжимое единство личной судьбы и творч. устремлений (в частности, верность обретенным в юности революционным по духу основаниям его позиций в науке и культуре) сформировали, по словам Вяч.Вс. Иванова, «самый характер его трудов, не завершенных, как у классика... а раскрытых, как у романтика, навстречу будущему».

Соч.: Избр. работы. М., 1985; Работы по поэтике. М., 1987.

Лит.: Иванов В.В. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985; Он же. Поэтика Якобсона // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987; Якобсон — будетлянин. Стокгольм, 1992.

Л. Б. Шамшин

ЯСПЕРС (Jaspers) Карл (1883-1969) - нем. философ-экзистенциалист, психолог, культуролог. Окончив в 1901 классич. гимназию, обучался на юрид. и мед. ф-тах Гейдельберг. ун-та. Большую известность Я. принесли работы по психопатологии выдающихся деятелей европ. культуры (Гёльдерлина, Сведенборга, Ван Гога, Ницше, Стриндберга). Филос. взгляды Я. нашли отражение в вышедшем в 1931-32 трехтомнике «Философия». В годы нацизма он находился в оппозиции к правящему режиму. В послевоенное время Я. становится одним из духовных лидеров Германии.

Культурологич. воззрения Я. основываются на христ. миропонимании. Причины и начала культуры безусловно трансцендентны и непосредственно связаны с Богом. Опираясь на апостольские послания, Я. утверждает, что мистич. озарение превосходит всякое филос. мудрствование (ср. 1 Кор. 2:14; 3:19). Он полагает, что для понимания целей и задач культуры эмпирич. и интеллектуальные методы не годятся. Наука слишком рациональна для постижения потустороннего. Поэтому своеобр. квинтэссенцией культуры выступает искусство, в основание к-рого положен принцип интуитивного восприятия мира. Задача искусства заключается в восстановлении утраченной связи человека с Богом. Средством налаживания коммуникативных отношений с трансцендентальной реальностью является катарсис, во многом напоминающий мисгич. экстаз.

Развивая идеи Кьеркегора и Ницше, Я. пытается установить истоки, пути развития и цель культуры посредством перехода от внешней, эмпирич. стороны бытия к «подлинной» культуре, находящейся в области челоуеч. духа, в сфере трансценденции. Прорыв в потустороннюю подлинную реальность связан у Я. с «пограничными ситуациями». В эти ситуации человек оказывается вовлечен, когда перед ним возникает выбор, имеющий решающее значение для его судьбы («Быть или не быть?» Гамлета, «Или-или» Кьеркегора). По мнению Я., подобные ситуации свойственны также истории и культуре. Осуществляя свой выбор и реализуя этим свою свободу, культура надолго определяет путь своего развития. Исчерпав потенции развития, культура входит в новую пограничную ситуацию, выход из к-рой связан с обретением нового (трансцендентного) знания. Пограничная ситуация не обязательно является логич. следствием внутр. развития культуры. Она может быть навязана извне: напр., экспансия персид. культуры была остановлена греками в 5 в. до н.э. Победа греков дала возможность продолжить развитие их нац. культуры, что явилось, с т. зр. Я., решающим для экзистенции зап.-европ. личности. А победа Рима над

Карфагеном окончательно гарантировала развитие идеалов культуры, свойственных совр. зап. об-ву. Т.о., динамика культуры связана с успешным продвижением культуры от одной пограничной ситуации к другой. Цель этого движения в абсолютном значении недоступна (в силу трансценденции), но в относит. смысле и ретроспективно постепенно уясняется.

Под культурой Я. понимает мир жизненных форм — институтов, представлений, верований, связанных с общностью происхождения, языка и судьбы. Создателем культуры стал человек, поскольку его предки оказались способны на прорыв в сферу осознанных актов и творений духа. Причины воплощения культуры через человека заключаются в изначально заложенной в предчеловеке открытости всем своим возможностям, что свидетельствует о небывалом предназначении человека.

Появление культуры связывается Я. с возникновением способности передавать другим поколениям духовное достояние; с рационализацией бытия посредством техники (орудий); с ориентацией на деяния предков, освобождающей от страха перед демонами, к-рые олицетворяли противостоящие человеку природные силы. Демонич. силы являлись истор. образом пережитой действительности. Однако, «великая альтернатива» — божественное или демоническое, многобожие или единая трансцендентная основа — была решена человеком в пользу Божественного. Громадное влияние на это решение оказало *осевое время*, время первой пограничной ситуации в рамках развитой культуры. В период 800-200 гг. до н.э. осн. культуры древности решили этот вопрос в пользу единобожия и надолго определили дальнейшее развитие культуры для всего человечества. Подобный выбор обозначил, что все мировые культуры связывает единство происхождения и перспектива их последующего слияния в общечеловеч. культуру на основе общих ценностей.

Культурно-истор. периодизация Я. находится в тесной зависимости от христ. концепции истории. Ось христ. периодизации — Иисус, поэтому история делится на две части — до и после Рождества Христова. Христ. периодизации свойственна также идея эпохальных событий, к-рые, в свою очередь, приводят к дальнейшему делению истории на части. Ось периодизации Я. проходит примерно через 500 г. до н.э. В это время возникает человек совр. культурного типа. Это подлинный, экзистенциальный человек, к-рый не подчиняется потоку истории, а преодолевает его, проживает как свою судьбу. Я. делит историю на «доосевую», когда человек еще не познал свое предназначение, и «осевую», когда теологич. предначертания развития культуры стали им все более усваиваться.

Цель человеч. существования, по Я., — личная независимость. Она достигается посредством обращения к подлинному (трансцендентному) бытию. Именно поэтому осевое время, время формирования подлинных культур, так дорого человечеству. По словам Я., «все великие взлеты человеч. бытия» происходили лишь посредством возрождения осевого мировоззрения или полемики с ним. Запад, напр., своей спецификой, основанной на феноменах свободы, личности, рациональности, науки и техники, обязан ценностям греч. культуры. Поэтому забвение античного наследия неизбежно приводило к варварству. Постоянный возврат к идеям *осевого времени* показывает, что ценности этой эпохи будут постоянно переосмысливаться, но никогда не будут отменены. Они носят универсальный характер. Понятие универсальности культуры раскрывается Я. и в подходе к объяснению ее истоков и цели. Изначально единая культура, пройдя ряд трансформаций, объединит человечество во всеобъемлющем духе, вбирающем в себя всех. Подобный подход, сочетающий в себе универсализм и эсхатологию, также роднит представления Я. с христ. концепцией культурно-истор. процесса.

Однако есть и отличия. По мнению Я., культурно-истор. процесс представляет собой соотнесенность всех его элементов, их всеобщую коммуникацию и непрерывное преобразование. Важное значение для преобразования имеет нигилизм. Несмотря на отриц. к нему отношение, Я. признает его значение в качестве анти-догматич. средства. Нигилизм предохраняет от абсолютизации и обеспечивает, в конечном счете, свободный выбор развития культуры. На сегодняшний день зап. культура, по мнению Я., слишком сильно пропитана нигилист. духом, что лишает ее необходимой конструктивности. Ее отход от идеи мирового порядка (Логоса) ставит перед ней две задачи общечеловеч. значимости. Они заключаются в обосновании подлинного разума в самой экзистенции и создания условий для безграничности коммуникаций любого уровня для всего населения Земли.

Соч.: *Psychologie der Weltanschauungen*. В., 1922; *Vernunft und Existenz*. Groningen, 1935; *Philosophie*. Bd. 1-3. В.; Gott.; Hldb., 1956; *Истоки истории и ее цель*. Вып. 1-2. М., 1991; *Смысл и назначение истории*. М., 1994; Карл Ясперс: *Филос. автобиография*. М., 1995.

Лит.: Габитова Р.М. *Человек и общество в немецком экзистенциализме*. М., 1972; Типсина А.Н. *Философия религии К. Ясперса*. Л., 1982.

А.В. Шабага

Указатель имен